

В последнее время усилился интерес к старообрядчеству не только со стороны историков, но и более широких слоёв населения. Интерес этот обусловлен желанием определить в общественном развитии России ту отправную точку, с которой и начался процесс его необратимого движения к кризису, завершившемуся революционной катастрофой.

Большое внимание изучению данной проблемы уделил русский писатель Александр Исаевич Солженицын. В итоге своего исследования он пришёл к следующему заключению: «Наша Смута XVII века, хотя и рассвободила к разбойным и жестоким действиям какую-то динамичную прослойку народа, особенно казачество, но не раскачала народных нравственных основ, сохранившихся здоровыми. Много глубже и неотвратимей сказался религиозный раскол XVII века. Расколом была произведена та роковая трещина, куда стала потом садить дубина Петра, измолачивая наши нравы и уставы без разбору. С тех пор долго, устойчиво исконный русский характер сохранялся в обособленной среде старообрядцев – и их вы не упрекнёте ни в распущенности, ни в разврате, ни в лени, ни в неумении вести промышленное, земледельческое или купеческое дело, ни в неграмотности, ни, тем более, равнодушии к духовным вопросам».

Как видим, слова Солженицына идут в разрез с усиленно насаждаемой в сознание русского народа мыслью о том, что: 1) тяга к лени и пьянству заложена в него генетически и сформирована якобы многовековой исторической традицией, 2) староверие является проявлением невежества, косности, темноты, фанатизма. К тому же оказывается под вопросом и господствующее представление современной исторической науки, что без коренного реформирования общества, начатого Алексеем Михайловичем и завершённого его сыном Петром, русский характер и дальше развивался бы на опутанной паутиной крестьян-

ской печи, а сама Русь очутилась бы на задворках цивилизации. Какое же из двух мнений правое и каков в таком случае «исконный русский характер»?

К началу двадцатого столетия почти все важнейшие отрасли промышленности России были сосредоточены в руках старообрядцев, а это порядка 80 процентов купеческого и 60 процентов всего капитала дореволюционной России. Данный факт не означает, естественно, что экономика была монополизирована старообрядцами. Так же это не означает, что купцы «пили народную кровушку», как было принято выражаться во времена не столь отдалённые. Добиться такого значительного положения в общественной жизни страны купцам-старообрядцам удалось именно благодаря рачительности, прекрасной организации производства, строгой дисциплине и исключительной целеустремленности. Зарабатывание не являлось самоцелью, а богатство рассматривалось в старообрядческой среде как проявление особой милости Божией.

Сам же купец считался земным проводником воли Господа, направленной на помощь нуждающимся, на организацию государственной деятельности, и, следовательно, нёс особую ответственность за то, как распорядится полученным Даром. Осознавая это, купцы много времени проводили в молитве, жертвовали монастырям, помогали различным организациям и простым людям. Словом, старались, как говорится, для Бога, для людей и для совести. Замечательно точно выразил эту мысль в письме своей дочери Павел Михайлович Третьяков (1832-1898), основатель всемирно известной художественной галереи, названной его именем: «Моя идея была, с самых юных лет, наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь». Вместе с братом Сергеем Михайловичем он в течение более четверти века приобретал картины русских художников и таким образом составил самую обширную и замечательную частную коллекцию в России. В 1891 г. Павел Михайлович открыл в специально построенном здании картинную галерею, а в 1892 г. передал её вместе со зданием в дар Москве. До конца жизни он продолжал за свой счет пополнять галерею и даже завещал проценты со своего капитала на будущее её пополнение.

Идея Третьякова о служении народу вела по жизни не только его, но и большинство из тех купцов и промышленников, чьи имена вызывали всеобщее уважение в связи с их меценатской

деятельностью. Наиболее значительным и известным в России было московское купечество, из которого выделялись пять семей, сохранявших на протяжении нескольких поколений большое влияние на промышленную и общественную жизнь страны. Это династии Морозовых, Бахрушиных, Найдёновых, Третьяковых и Щукиных. Многие отдельные купцы и целые семейные кланы не уступали им в богатстве, но не могли соперничать в родовитости. И здесь следует упомянуть следующие наиболее известные в дореволюционную пору фамилии: Кузнецовы, Трындины, Рябушинские, Боткины, Мамонтовы, Алексеевы, Шелапугины, Солдатенковы, Абрикосовы, Хлудовы, Куманины, Якунчиковы, Оловянишниковы (изготовители медных колоколов).

Замечательный русский писатель Иван Сергеевич Шмелёв, выросший в старообрядческой семье, в своём автобиографическом романе описал своего отца, торговца и строительного подрядчика московского губернатора, как человека ответственного и весьма сметливого. Последнее качество, особо ценившееся в купеческой среде, способствовало прославлению многих купцов в качестве новаторов в промышленности (причем, купец-промышленник ценился выше купца-банкира и даже торговца). Так, Матвей Сидорович Кузнецов первым в мире сообразил использовать торф для обжига фарфора. Ему же удалось монополизировать в своих руках все частные фарфоровые заводы в Российской империи. О качестве изделий его предприятий говорят золотые медали на Всемирных выставках в Париже в 1889 и 1890 гг., а также «Гран-при» в Реймсе и Льеже в 1905 г. Однако богатый промышленник думал не только о деле. Много средств выделялось им на благотворительность, а его сыновья являлись попечителями церковей Рогожской слободы.

Другими известными промышленниками стали Трындины. Основатель купеческой династии Сергей Семенович Трындин пришёл в Москву из Владимирской губернии во второй половине 18 века и начинал постигать дело в только что основанном физическом кабинете при Московском университете. А уже внуки его, Сергей и Петр Егоровичи, имели немалый авторитет в народе, заслуженный, в том числе, и столь активной общественной жизнью, что один только перечень попечительских обязанностей старшего из братьев – Сергея – потрясает воображение: гласный Московской городской думы (1889 – 1893); старшина Московского купеческого собрания (1898 – 1899, 1913 – 1915); член Управления и кандидат казначея Российского общества Красного Креста Московского местного управления с 1890 по

1913 годы; член попечителей Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей с 1891 по 1913 годы; член комиссии по рассмотрению проектов и надзору над строительством здания Московского Купеческого собрания (1904 – 1909); председатель Московского Городского попечительства о бедных (1894 – 1915), действительный член мужского благотворительного тюремного комитета (1897 – 1903); действительный член Комитета Христианской помощи (1877 – 1898); почётный благотворитель общества военных врачей.

Обращает внимание и профессиональный подход к делу братьев Трындиных. Отношение к рабочим было жёстким, но справедливым. Действовала система штрафов за опоздания, прогулы, курение и пьянство на рабочем месте. Вместе с тем применялись и поощрения. Так, за пятнадцать лет труда на заводе давалась премия в сто пятьдесят рублей, за двадцать лет – двести, а за двадцать пять и более – триста рублей. Так что кровушку Трындины не пили, а просто проявляли справедливость и твердость.

Последнее качество присутствовало у всех крупных купцов, однако пример Сергея Ивановича Щукина заслуживает особого упоминания. В детстве он был самым слабым из братьев: нервным, низкорослым, заикающимся. Тем не менее, он настоял, чтобы его тоже учили коммерции. Закалил тело и дух занятиями спортом, сформировал суровый характер. О его расчётливости и головокружительных деловых комбинациях ходили легенды. Проявленная в революционную пору 1905 года редкостная прозорливость и смелость позволили ему стать текстильным монополистом в Москве. В то время, когда экономика находилась в упадке, он скупил всю московскую мануфактуру и нажил на этом крупное состояние. Много средств Сергей Иванович тратил на живопись и сумел собрать крупнейшую коллекцию современного ему модернизма, а позже и постмодернизма. Как и Павел Третьяков, он выставил её для бесплатного обозрения. Зрителю были представлены полотна Матисса, Моне, Дега, Сезанна, Руссо, Пикассо и других художников. В 1918 году указом Ленина собрание его картин национализировали, а хранителем была назначена оставшаяся в Советской России дочь Щукина – Екатерина.

В конце 19-го века Россия твёрдо входила в четвёрку-пятёрку передовых стран по основным экономическим показателям, а по темпам промышленного роста стремительно нагоняла США. Строительство железных дорог в такой ситуации становилось приоритетной задачей страны, но оно требовало вложения

крупных средств, и правительство всячески поощряло приток финансового капитала в эту область. В числе тех, кто рискнул взяться за такое трудное предприятие, одну из первых ролей сыграл Савва Иванович Мамонтов. Однако помимо железной дороги он вкладывал средства и в другие предприятия. Причём по существу в его руках была сосредоточена целая корпорация. Уследить за деятельностью такой крупной структуры одному оказалось невозможным и такому одарённому промышленнику, поэтому значительная часть средств была разворована. Дабы поправить пошатнувшиеся дела, Савва Иванович рискнул в одном из финансовых мероприятий прибегнуть к полуполюгальной схеме, что в итоге вскрылось.

На крупного купца-мецената было заведено уголовное дело, причём активно раздуваемая прессой шумиха вокруг этого дела и сама реакция властей оказалась до странности неадекватной нарушению, что, по мнению московской, хорошо осведомленной общественности, явилось следствием интриги директора Международного банка А. Ю. Ротштейна и министра юстиции Н. В. Муравьева. Косвенно на это указывает и тот факт, что Мамонтова, вопреки ходатайству друзей и заступничеству его рабочих, продолжали удерживать в тюрьме до самого суда, хотя он имел возможность расплатиться с долгами и поправить свои дела; да и сам состав преступления, учитывая к тому же авторитет подсудимого, не заслуживал заключения под стражу до судебного разбирательства. В конечном итоге Савва Иванович был единодушно оправдан судом присяжных, однако пока он находился в заключении, имущество его, в том числе и коллекция предметов искусства, было распродано, железную дорогу прибрало в свои руки государство по весьма заниженной стоимости, причём много акций оказалось в руках родственников министра финансов С. Ю. Витте.

Помимо строительства дорог, жизнь его отмечена и щедрой меценатской деятельностью. Он поддерживал художников и артистов и, будучи заядлым театралом, создал частную оперную труппу, в которой дирижировал молодой С. В. Рахманинов и пел Шаляпин. А его имение Абрамцево стало центром художественной жизни России. Здесь подолгу жили и работали такие русские художники, как Репин, Антокольский, Врубель, Васнецов, Серов, Коровин и Поленов.

Не менее прославленным в дореволюционной России стало имя Ивана Дмитриевича Сытина, бывшего в ту пору самым крупным издателем страны. Как и большинство купцов, он отличался прогрессивностью взглядов, брал на вооружение пе-

редовой опыт остального мира. Его типографии были оборудованы новейшей техникой, в специальных школах готовились собственные кадры. Особо одарённых ребят отправляли в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для получения высшего образования. Значительное внимание Иван Сытин уделял просвещению. В сотрудничестве с Толстым он издавал дешёвые книги для детей. А в 1911 году им был выстроен «Учительский дом» с педагогическим музеем, библиотекой и большим зрительным залом. К 1914 году продукция Сытина составляла четверть всего книгоиздательского рынка России.

Старообрядцы проявили себя не только талантливыми организаторами, но и прекрасными учениками. Так, Алексей Иванович Абрикосов, сын обедневшего купца, работавший простым рабочим у немецких кондитеров, перенял у них передовые методы как в организации пищевого производства, так и в способах продвижения товара на рынке, и, в конце концов, организовал своё преуспевающее предприятие. Один из символов советской эпохи концерт «Бабаевский» – бывшая фабрика Алексея Ивановича.

Пожалуй, самыми разветвлёнными и мощными купеческими кланами в Москве были всё же роды Морозовых и Рябушинских. Савва Тимофеевич Морозов оказывал значительную материальную поддержку простым людям, творческой части общества, различным организациям. Вполне возможно, что и МХАТа сейчас бы не было, не возьми он его под своё крыло, особенно в тяжёлую пору становления театра. К слову сказать, и основатель театра Станиславский (Алексеев) тоже был выходцем из известного старообрядческого купеческого рода.

Одними из первых банкиров в России стали Рябушинские. Одни только имена учредителей Московского Торгового банка старообрядцев Павла Михайлович Рябушинского, Василия Ивановича Якунчикова и Николая Алексеевича Найденова являлись гарантом надёжности, что способствовало укреплению и развитию в стране банковского дела. Рябушинские же стояли у истоков партии крупного капитала – партии прогрессистов; они же основали газету с упором на поддержание национальной идеологии «Утро России». По инициативе Федора Павловича была организована экспедиция на Камчатку. А автомобильный завод АМО (ныне завод имени Лихачева) обязан своему рождению тоже братьям Рябушинским. Тяга к Родине побудила поселившегося после 17-го года в Париже С. Н. Рябушинского в преддверии Великой Отечественной войны работать на советскую разведку. В 1944 г. он был казнён в фашистском концлагере.

Естественно, всех влиятельных купцов, и московских, и провинциальных, прославившихся в качестве жертвователей на благое дело, не перечесть. И всё же пройти мимо имён таких удивительных филантропов, как строитель Боткинской больницы Козьма Терентьевич Солдатенков и иркутский золотопромышленник и судовладелец Александр Михайлович Сибиряков, нельзя. Первый завещал пять миллионов на организацию и деятельность ночлежек, больниц и прочую благотворительность, второй пожертвовал миллион только лишь на учреждение Томского университета. Добрую память оставил о себе и рязанский купец Ф. И. Масленников, построивший на малой родине храмовый комплекс.

Однако стоит заметить, что ко многим купцам тянулись не только по причине какого-то прагматического интереса, но и просто как к образованным, разносторонним людям, блестящим собеседникам. К таковым относился Василий Андреевич Хлудов, у которого собирались поговорить на самые различные темы многие образованнейшие люди, творческая элита общества. Любому из них купец всегда был готов оказать помощь, но не это влекло их в его дом, а особая дружественная обстановка хлебосольного русского хозяина. Не случайно проводить его в последний путь собралась почти все, кто бывал в его доме.

Отдельного внимания заслуживает весьма и весьма самобытная личность В. А. Кокорева. Не получивший хорошего образования сын бывшего крестьянина оказался замечательным публицистом со своим видением национального устройства России, сочетавшим идеи и славянофильства, и западников. Его хватке и предприимчивости могли бы позавидовать многие и многие коммерсанты даже наших дней. Ещё бы: приехавший в Москву из Соликамска совсем молодой разорившийся предприниматель-солевар, не имеющий в столице связей, в итоге проявил недюжинную смекалку в ведении дел и стал в одночасье известным всей России миллионщиком, «царём откупщиков», или как говорят в наше время, водочным олигархом. Несмотря на нелюбовь к нему Салтыкова-Щедрина и Добролюбова, развернувшего против него травлю, среди простого народа Кокорев пользовался настоящей любовью за щедрую раздачу денег бедным, а также за поддержку интересов крестьянства во время развернувшейся в прессе дискуссии по поводу отмены крепостного права. Щедрый жертвователь, купец-либерал с ухарскими замашками, во всём, что касалось собственно дела, он вдруг преобразался в прогрессивно и безошибочно мыслящего ка-

питалиста. Кокорев построил первый в мире керосиновый завод под Баку и основал являвшийся крупнейшим до самой революции Волжско-Камский коммерческий банк. Вместе с П. И. Губониным построил уральскую горнозаводскую дорогу. В своих публицистических работах настаивал на губительности для России поверхностного по содержанию заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм.

С нефтью были связаны и Шибаевы, ставшие одними из первых её добытчиков в России.

Помимо уже упомянутых купцов, стоит перечислить и следующие фамилии наиболее популярных в народе предпринимателей-старообрядцев: Николай Александрович Бугров – богатейший человек Нижнего Новгорода, крупный хлеботорговец и судовладелец, строитель богаделен, ночлежек, школ и больниц, раздавший за свою жизнь 10 млн. рублей милостыни и друживший с Горьким; шестеро братьев Поляковых, из которых более известен основатель шёлкоткацкой фабрики в Щёлкове (ныне предприятие «Техноткань») Алексей Яковлевич; род Зиминых, в том числе и преемник Саввы Ивановича Мамонтова по части покровительства искусству Сергей Иванович Зимин, основатель крупнейшего в России оперного театра, названного его именем; широко разветвлённый род хлеботорговцев Рахмановых; трикотажные фабриканты братья Трегубовы. И, конечно же, нельзя не упомянуть сибирскую купчиху, торгового магната и золотодобытчика Анну Ивановну Громову, о которой в некрологе «Русских ведомостей» от 7 апреля 1912 г. говорилось: «Кажется, нет ни одной научной экспедиции за последние 25 лет, которые проходили бы без содействия этой женщины, стоявшей во главе большой торговой фирмы».

Менялось время, менялись акценты в самореализации – многие выходцы из старообрядческой купеческой среды отказывались продолжать торговое дело предков и уходили в самые различные области человеческой деятельности, в том числе и в политику, как председатель врангелевского правительства Юга России А. В. Кривошеин. Многие относят к старообрядцам и председателя третьей Госдумы Гучкова, но это едва ли возможно, так как ещё его отец уклонился в единоверие, хотя и строго придерживался старообрядческой обрядовой традиции. Последним перед революцией нижегородским головой стал судовладелец Дмитрий Васильич Сироткин. Но особенно много купцов-старообрядцев занимало в разное время пост московского головы: П. Г. Шеллапутин, С. М. Третьяков, А. В. и

Н. А. Алексеевы и, конечно же, Куманины – Алексей Алексеевич, его сын Константин Алексеевич, внук Пётр Иванович; и даже муж внучки, Натальи Константиновны, купец К. А. Кукин тоже был московской головой.

Геохимик и философ В. И. Вернадский был в числе учредителей известного многим любителям истории «Союза освобождения». Павел Павлович Рябушинский стал членом Госсовета и председателем Московского промышленного комитета, а в сентябре 1917 г. вошёл в состав Временного правительства в качестве председателя Высшего экономического совета.

Ответственность перед людьми и Богом, бережное отношение к отпущенному жизнью времени стали основой стремления многих выходцев из старообрядчества реализовать себя в жизни. Кто-то всё же отходил от веры отцов, а потому не может служить примером для подражания. Однако речь в данном случае о том, что нравственная и духовная закалка, полученная в среде, где слово и дело составляют единое целое, способствовала формированию в них цельного подхода к самой жизни, рождала трезвость и широту взглядов. Именно этим объясняется значительное число новаторов из старообрядцев во всех сферах человеческой деятельности. Ярким примером служит судьба Михаила Васильевича Ломоносова, пионера российской науки и литературы. Другой признанный европейской наукой авторитет, Дмитрий Павлович Рябушинский, основал первый в мире институт гидроаэродинамики. Похоже, что проблемы космоса вообще привлекали многих старообрядцев, иначе чем объяснить интерес к небесным сферам Вернадского, а также выдающегося ученого, основоположника гидро-и аэродинамики, основателя ЦАГИ (центральный гидроаэродинамический институт), разработчика идей современного авиастроения Н. Е. Жуковского?

Из знаменитого рода купцов Рыбаковых вышел выдающийся славянист и академик Б. А. Рыбаков, на работах которого выросло не одно поколение историков. Не обошли старообрядцы своим вниманием и медицину. Именем Сергея Петровича Боткина названо несколько медицинских учреждений страны, а его сын, Евгений Сергеевич, отказался оставить семью последнего русского императора, приняв вместе с ней мученическую смерть.

К числу основателей новых научных направлений, безусловно, стоит причислить и одного из фундаменталистов отечественной психиатрии и невропатологии В. М. Бехтерева, а также академика-филолога Дмитрия Сергеевича Лихачева. В первые годы советской поры на весь Союз гремело имя народного ака-

демике агрария Т. С. Мальцева, опыт которого по повышению урожайности зерновых культур изучала вся страна. А ставшее нарицательным имя русского изобретателя-самоучки Ивана Кулибина по праву является предметом гордости всех старообрядцев. Прискорбнее всего, что сам он умер в нищете, так и не получив должного признания своих трудов, некоторые из них впоследствии были запатентованы и поныне успешно применяются иностранцами.

Другими непризнанными в собственной стране изобретателями стали отец и сын Черепановы. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович создали первый в России паровоз, о котором после всеобщих восторгов быстро забыли. Незавидная участь постигла и известного авиаконструктора и изобретателя вертолётчика Игоря Ивановича Сикорского, развивавшего самолето- и авиостроение в Америке, куда он эмигрировал после революции.

Что касается литературы, то до сих пор считается непревзойденным талант протопопа Аввакума как писателя-рассказчика. Его сказовая манера стала образцом для многих писателей. В советское же время большое влияние на становление современной прозы оказал Шолохов, мать которого была из казачьего старообрядческого рода, хотя справедливости ради стоит отметить его неоднозначное отношение именно к казакам-старообрядцам, отображённое в литературе. Истоки своеобразия языка писателей-сказочников Ремизова, Бажова, Писахова и Шергина тоже кроются в старообрядческой культуре. Мамин-Сибиряк, Пришвин, Гладков, Корнилов, Шмелев, Пермитин, Калашников, сказочник Волков и автор «Туманности Андромеды» Ефремов – все эти писатели имеют старообрядческие корни, кто по отцу, кто по матери. Собственное же вероисповедание этих писателей требует отдельного кропотливого и, к сожалению, не всегда результативного изучения, но, думается, факт влияния древлеправославной культуры на их творческое становление имел место быть. Кстати, под подобным влиянием наверняка находились и Достоевский с Набоковым. Мама Федора Михайловича Мария Федоровна, в девичестве Нечаева, происходила из старообрядческой купеческой семьи. Прадед В. В. Набокова по материнской линии, сибирский золотопромышленник, миллионщик, тоже придерживался старой веры. Сам же писатель прекрасно владел древнеславянским языком.

Принято считать признанного авторитета филологии В. И. Даля немцем или датчанином, но это вовсе не так. Под конец своей жизни ему удалось узнать о том, что предки знаме-

нитого собирателя русского фольклора по отцовской линии на самом деле бежавшие от преследования старообрядцы. В таком случае становится понятна любовь Даля ко всему русскому и тяга к посещению скитов.

Расцвет отечественной поэзии, так называемый серебряный век, отмечен значительным вкладом в него таких выходцев из старообрядчества, как: сын начётчика С. Есенин, как Н. Клюев, М. Волошин, В. Хлебников, М. Кузьмин.

Мало кому известно, что женой известного живописца Д. В. Поленова стала дочь одного из основателей Московской консерватории и соучредителя Московского Торгового банка В. И. Якунчикова – Мария. Её работы хранятся в Третьяковской картинной галерее. Скульптор и архитектор И. С. Богомолов (соавтор памятника Пушкину на Тверской улице), а также всемирно известные художники Коровин, Саврасов, Шишкин, Суриков тоже вышли из старообрядчества. Последний был из сибирских казаков, о которых нельзя не упомянуть особо в русле нашей темы.

К началу 20-го века процент старообрядцев в казачестве был значительно выше, чем среди других слоёв населения по стране в целом. И именно старообрядцы чаще всего становились атаманами донцов. По данным Донского епархиального противостарообрядческого и противосектантского миссионерского комитета за 1908 год, в Донской области проживало свыше 200 тысяч приверженцев старой веры. И хотя, в сравнении с общим количеством местного населения, цифра эта незначительна, однако следует заметить, что по старой традиции часть старообрядцев, опасаясь преследований, скрывала своё истинное вероисповедание; к тому же цифры эти, скорее всего, занижены, учитывая явную тенденцию того времени принижать и замалчивать значение старообрядчества.

В том же отчёте подчеркивалось, что по численности старообрядцев Донская епархия «первая из наиболее заражённых расколом, который, несмотря на многочисленные меры, продолжает быть сильным и стойким». Заставляет насторожиться и сопоставление упомянутых официальных статданных с предыдущими. Так, по статистике за 1905 год, в Донской области проживало 4,7 процента старообрядцев при общем населении в 3125000 человек. Если произвести несложную арифметическую операцию, то нетрудно обнаружить, что по этим данным, исповедников древлеправославия получается 146875 человек. Сопоставляем эту цифру с приведенными выше статданными

за 1908 год – остается только поражаться столь солидному приходу старообрядцев Донской области за три года – больше чем на треть! Подобные несостыковки обнаруживаются и с данными по уральскому, сибирскому и терскому казачеству.

В «Отчете Оренбургской губернии за 1832 г. по части Департамента полиции исполнительной» сказано: «...казаки Войска Уральского все вообще с женами и детьми суть старообрядцы». Официальная же статистика за 1840 г. говорит всего о 42 процентах.

В качестве староверов описывал терцов служивший на Кавказе Л. Н. Толстой. Его мнение подтверждает и посетивший в 1834 г. Терское левобережье штабс-капитан И. Бларамберг, говоривший о том, что все жители станиц Курдюковской, Шадринской, Новогладковской, Старогладковской и Червлённой – старообрядцы. От себя замечу, что мне лично никогда еще не доводилось сталкиваться с тем, чтобы хоть один человек, чьи предки являлись казаками, упомянул об их нестарообрядческом вероисповедании. В крайнем случае, присутствует незнание ситуации – не более. Конечно, наивно вводить данный факт в состав доказательной базы, тем не менее, считаю позволительным поделиться собственным опытом. Стопроцентный охват старообрядческим вероисповеданием невозможно опровергнуть документально лишь в отношении казаков-некрасовцев, ушедших после подавления булавинского восстания за Кубань под покровительство крымского хана.

Как пишет Д. В. Сень в книге «Войско Кубанское Игнатово-Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 – конец 1920-х гг.)», «большая часть Кубанского казачьего войска, включая войсковую верхушку, «крепко держалась расколу», привлекая на Кубань не только людей светских, но и лиц духовного звания. В показаниях яицких казаков, схваченных в 1727 г. по доносу казака Ф. Медведева, указан один и тот же мотив к побегу, что на Кубани жить хорошо, что на Кубани «староверят» и за старую веру не гонят. Однако с 90-ых годов 18-го в. на Кубань переселяют запорожцев, не исповедовавших ортодоксального православия, и на рубеже 19-20 вв. к старообрядцам причисляли уже только половину кубанцев.

Между прочим, безвременно ушедший из жизни юморист и губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов – потомок сибирских казаков, как и его друг актер Александр Михайлов. И вообще немало алтайцев имеют «раскольничьи» корни, ведь в восемнадцатом веке эта благодатная сибирская земля была местом ссылки многих людей, отказавшихся принимать нико-

новские нововведения. Режиссер таких всенародно любимых фильмов, как «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки», а также «Братья Карамазовы», Иван Пырьев – из алтайских старообрядцев. Не только Мосфильмом руководил выходец из ортодоксального православия. По свидетельству настоятеля Рогожского прихода о. Виктора Жельцова, один из рогожских священников окормлял мать Леонида Ильича Брежнева, к которой ездил на дом. К слову, совсем недавно из Америки прилетала внучка покойного генсека, чтобы креститься в старообрядческой церкви города Ижевска.

Немаловажную роль в истории Великой Отечественной войны сыграл полководческий гений маршалов Жукова и Василевского, выросших в религиозных старообрядческих семьях. И если о воцерковленности прославленного главнокомандующего нет никаких сведений, то о Василевском всё тот же о. Виктор Жельцов говорит, что изредка он посещал нашу церковь и бывал на исповеди.

Многие пожилые москвичи хранят в душе благодарность сибирякам, считая, что отстоять столицу удалось, в первую очередь, благодаря их мужеству и стойкости. Первые сибирские дивизии состояли преимущественно из старообрядцев Забайкалья, и даже в народной памяти солдат-сибиряк сохранился в образе бородача.

Приходится порой слышать об отсутствии среди старообрядцев представителей аристократии. Однако это не так. Старообрядчество представлено даже потомками Рюрика – князьями Болховскими и Троекуровыми. Широко известный среди староверов скит под названием Бояркина обитель основала в XVIII в. княжна Болховская. Первоначально он заселялся женщинами знатных родов. До 1853 года в обители в качестве реликвии сохранялась на иконе Спасителя Александровская лента с орденом крестом, принадлежавшая Степану Васильевичу Лопухину, двоюродному брату царицы Евдокии Федоровны – дяде основательницы обители.

Еще один известный скит – Игнатьевский – назван в память его основателя Игнатия Потёмкина, родственника светлейшего князя Григория Потемкина. У другого влиятельного царедворца, князя Троекурова, тоже имелись родственники, не принявшие церковных новин. А автором хорошо известной в старообрядчестве «Истории об отцах и страдальцах Соловецких...» был князь Симеон Дионисьевич Мышецкий (1682 – 1741), настоятель Выговского монастыря.

За заслуги в Отечественной войне 1812 года графским титулом был пожалован любимец Александра Первого казачий атаман Матвей Иванович Платов. Во второй половине 19 века перешли в дворянство купцы Якунчиковы, после чего отстранились от торговли. Представителем родовой дворянской семьи был известный до революции ученый-экономист, публицист и общественный деятель Сергей Федорович Шарапов. Да и Куманины на протяжении многих поколений состояли в дворянстве.

Как видим, старообрядчество внесло достойную лепту в развитие российского общества. Духовное здоровье этой социальной прослойки вкупе со строгой патриархальной дисциплиной способствовало освобождению сознания от лишнего, от напрасных метаний и четко обозначало приоритеты и цели, формируя такого цельного человека, какой оказывался в состоянии принять Божью благодать на сакральном уровне. Таковым, большей частью, и являлся патриархальный русский характер, бережно сохраняемый ныне в старообрядческой среде – здоровый, твёрдый в следовании своим убеждениям и гибкий в вопросах, не касающихся веры и совести. Естественно, как это происходит и в любом социуме, кто-то отклонялся с истинного пути, уходил из старообрядчества или вёл далекий от норм христианской этики образ жизни и потому истинно православным людям примером для подражания служить не может. Однако то, что культура их творческого, делового, философского и иного мышления сформирована под влиянием передаваемого из поколения в поколение старообрядческого сознания, – факт. И многие люди, открывающие её для себя в последнее время, вдруг узнают, что старообрядцы во всём, что касалось сугубо общественного и промышленного развития, вопреки сложившимся стереотипам вовсе не отсталая и невежественная прослойка русского народа, а скорее наоборот – прогрессивно мыслящая.

*д. Мильково,
Московская обл.*